

С. И. РУДЕНКО

КУЛЬТУРА ДОИСТОРИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАМЧАТКИ

Металл, точнее железо, появился на Камчатке очень поздно. Крашенинников писал: «сказывают о Камчатке, будто железные инструменты знали камчадалы еще до покорения Российской державе, а получали их от японцев, которые приезжали к Курильским островам»¹. Как предполагал Тории², отдельные металлические предметы могли еще в древности проникать на Камчатку из Японии при посредстве курилов, которые получали японские товары через своих собратьев — айнов. И действительно, при раскопках в южной Камчатке, у озера Курильского Иохельсон³ нашел медные японские монеты XI в. н. э. Все же отдельные металлические вещи, которые проникали на Камчатку, были столь малочисленны, что до XVII в., до прихода русских, все население Камчатки переживало стадию каменного века. Об этом свидетельствуют многочисленные отписки служилых людей, впервые посетивших этот край.

В те времена северную треть полуострова занимали коряки: по побережью Тихого океана — к северу от реки Уки и на Карагинском острове, а по берегу Охотского моря — к северу от реки Тигеля. Южные две трети Камчатки, а также ближайший к ней остров Шумшу из группы Курильских, были заняты камчадалами или ительменами. На втором от Камчатки острове Парамушире жили курильцы или айны. Во время экспедиции Беринга, в первой половине XVIII в., население самой южной части Камчатки (Курильской Лопатки) и первого из Курильских островов (Шумшу) именовалось ближними курилами в отличие от курилов дальних, живущих на втором от Камчатки острове (Парамушире) и последующих. Однако участник экспедиции Беринга Крашенинников настойчиво отмечал, что «хотя объявленные первого острова и Курильской Лопатки жители в языке своем, в обрядах и в телесном виде несколько от камчадалов и разнятся, однако, заподлинно известно, что они происходят от камчадалов..., а помянутая разность происходит от соседства, обхождения и взаимного супружества с прямыми курилами»⁴.

Первые исследования древних поселений на Камчатке были произведены в 1852 г. Дитмаром. «Недалеко от берега реки Вахилия, — писал Дитмар⁵, — в некотором отдалении друг от друга, находились правильные квадратные ямы, имевшие футов с 20 в стороне... Это были остатки старо-камчадалских юрт, большею частью с одним, реже с двумя входами, похожими на рвы. Сор лежал во многих из них до 3 футов высоты и всегда содержал уголь, кости, раковины и немногочисленные обработанные камни». И далее: «от мыса Налачева и даже начиная еще

¹ П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. II, 1755. 34.

² R. Torii, Etudes archéologiques et ethnologiques. Les Aïnes des Isles Kouriles, «Journ. Coll. Sci. Imp. Univ. Tokyo», vol. 42. art. 1. 1919.

³ W. Jochelson, Archaeological investigations in Kamchatka (Carnegie Inst. of Washington Publ. No. 388), 1928.

⁴ Крашенинников, Указ. соч., II. 3.

⁵ К. Дитмар, Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., 1901, 210—213.

западнее, от устья р. Налачевой до Бичевинской губы и до мыса Шидлуцкого берега были покрыты множеством юрт, жилищами многих сотен людей». «Я с двумя людьми приступил к раскопке старых камчадалских юрт... В пяти ямах, которые я осмотрел, повторялись совершенно одни и те же находки. Везде юрты были до половины заполнены, завалены разным сором, в котором попадались уголья, полуистлевшие обломки костей (в том числе нижняя челюсть медведя), части рогов горного барана, северного оленя, раковины и сгнившее дерево. Каменных изделий или осколков, отбитых при выделке их, встречалось очень мало. Но все-таки мы мало-помалу накопили достаточное количество таких предметов. Очень редко попадались костяные наконечники копий и мелкая глиняная посуда самой примитивной работы». Один из жителей Старого Острога сообщил Дитмару, что старые земляные юрты «часто встречаются на восточном берегу Камчатки и что при раскопках в них находят разные предметы, каковы: каменные орудия, моржевые зубы, кости, черепки очень грубых глиняных сосудов, колья, куски дерева». Принесенные Дитмару предметы состояли из обсидиановых и яшмовых наконечников стрел, из плоских продолговатых орудий, сделанных из того же материала, и на одной стороне с округленным заостренным краем. «Совершенно подобные этим орудиям,— писал Дитмар⁶,— я впоследствии нашел еще в полном употреблении у коряков, коряцкие женщины отскабливают такими камнями шкуры при выделке кожи. Обсидиан, темные серо-зеленые яшмы и другие кварцы, богатые кварцем и диоритом сланцы — вот породы, которыми древние обитатели страны, повидимому, особенно охотно пользовались для выделки подобных орудий».

В 1910 г. древние поселения на Камчатке были обследованы К. Д. Логиновским по поручению Этнографического отдела Русского музея, куда поступили и коллекции из его раскопок. По отчету Логиновского, древние камчадалские юртовича разбросаны по всей Камчатке: встречаются они и на возвышенных местах и около рек и озер. Такие поселения им отмечены близ г. Петропаловска на склоне Мишенной горы, у с. Харлактырка, у дер. Савойко и на одном из островов в устье р. Авачи, на берегу Тарьинской губы. В верхнем течении р. Быстрой остатки юртовичей имеются у селений Малка и Ганалы, а в низовьях р. Камчатки — у с. Ключевского, Камаки и Усть-Камчатки. По отчету Логиновского, на месте старых юртовичей у с. Камаки жители часто находят каменные наконечники стрел и копий, каменные светильники (жирники). Севернее, у оз. Карагинского, на прибрежных холмах находят много каменных орудий, среди которых более всего наконечников стрел, тесел и клиньев. Обсидиановые наконечники стрел находят на выдувах в бухте Корфа, между бухтой Сибирь и коряцким стойбищем Тиличек. У с. Малка Логиновским было раскопано семь жилищ и у с. Ганалы — три. Поверхностные разведки он произвел на месте старых юртовичей на берегу бухты Кичиги, где им собрано несколько обсидиановых наконечников стрел, костяные наконечники копий, черепки глиняной посуды. Более обстоятельные раскопки были произведены им на острове Карагинском, отделенном от материка проливом Литке.

С западной стороны, в средней части острова имеется бухта Ложных Вестей. По берегам этой бухты главным образом и были расположены древние поселения, от которых остались группы жилищ. Последние располагаются частью на самом берегу бухты, частью на склонах холмов, причем жилища на холмах древнее тех, что у берега. В первых были найдены предметы исключительно из камня и кости, во-вторых, вместе с костяными и каменными предметами,— железные наконечники стрел

⁶ Дитмар. Указ. соч., 189.

и обломок железного топора. Там, в Кэнду, Логиновским было раскопано три жилища на холме и одно на берегу. На холме были найдены наконечники копий, стрел, тесла, шилья, скребки — все из камня или кости. Среди наконечников стрел оказались и обсидиановые, вывезенные, по всей вероятности, с материка, так как на острове обсидиана нет. Среди предметов из раскопок жилища на берегу, помимо упомянутых железных вещей, были найдены костяные подполозки нарты, какие употребляются у коряков и поныне. В кухонных отбросах на Карагинском острове отмечено обилие костей нерпы и особенно много раковин съедобных моллюсков. Около каждого жилища были обнаружены следы ям, обложенных прутьями, в которых квасилось мясо нерпы.

В 1911 и 1912 гг. раскопки на Камчатке производил В. И. Иохельсон, отчет которого с публикацией материалов издан в 1928 г. Иохельсон копал недалеко от г. Петропавловска в губе Тарья в четырех пунктах, у дер. Савойко на левом берегу р. Авачи, на берегу реки и озера Налычева. На западном берегу полуострова, в средней его части, раскопки производились им на берегу р. Кульки в половине километра от впадения ее в р. Тигель, а также на берегу р. Каврана, недалеко от ее устья. На юге Камчатки раскопки производились на берегу р. Озерной в 3 км от истока ее из оз. Курильского и на берегу названного озера. В 1926 г. небольшие разведки были произведены Е. П. Орловой на р. Хайрузовой, впадающей в Охотское море южнее р. Каврана. В Авачинской губе, на полуострове Тарья, там же, где в 1911 г. копал Иохельсон, в 1920 г. раскопки были произведены Шведской экспедицией. В 1922 г. той же экспедицией раскопки производились на восточном берегу Камчатки в губе Лиственничной в 200 км к северу от мыса Лопатки. Собрания Шведской экспедиции частично опубликованы Бергманом и Шнеллем⁷. На восточном же побережье Камчатки, у Усть-Камчатска археологическое исследование производилось Накаямой⁸. Небольшая коллекция из раскопок в губе Тарья в 1934 г. доставлена пом. капитана Н. А. Гурьевым в Музей антропологии и этнографии Академии Наук и частично опубликована Львом⁹. Очень интересна хранящаяся в Камчатском краевом музее в Петропавловске коллекция с дюнной стоянки мыса Лопатки, состоящая из костяных и каменных наконечников стрел, каменных ножей, скребков, скобелей и тесел. Не менее интересны вещи, доставленные А. К. Вернардером во Владивостокский музей, из разведанной им в 1930 г. пещеры в заливе Омаян, что к югу от Анадырского залива. Вещи эти, впрочем, более характерны для культуры поморов Берингова моря, чем для неолита Камчатки. Следует упомянуть также значительное число случайных находок каменных орудий, хранящихся в Камчатском и Владивостокском краевых музеях, в частности из районов поселений южной Камчатки Явино и Гольгино.

Помимо упомянутых публикаций ранее я имел возможность подробно ознакомиться с коллекциями из раскопок на Камчатке Логиновского, Иохельсона и Орловой, а во время моей экспедиции 1945 г. на Чукотский полуостров — с коллекциями с Камчатки, хранящимися в

⁷ S. Bergman, *Vulkane, Baren und Nomaden. Reisen und Erlebnisse im wilden Kamtschatka*, Stuttgart, 1926; I. Schnell, *Prehistoric finds from the Island World of the far east (The museum of far eastern antiquities, Bull. Nr. 4, 1932, Stockholm)*.

⁸ Накайма, *Раскопки землянок у Усть-Камчатки на восточном побережье Камчатки*, Журн. Антропологического общ. в Токио, кн. 48, 1933 (по-японски).

⁹ Д. Н. Лев, *Новые археологические памятники Камчатки. «Сов. этнография»*, 1935, 4—5.

музей Петра-Павловска на Камчатке и Владивостока. Сводка опубликованных материалов по археологии Камчатки приведена у Девиса¹⁰.

Материалы по археологии Камчатки в настоящее время исчисляются уже несколькими тысячами предметов и дают ясное представление об основных типах каменных и частично костяных орудий, характерных для культуры населения этого полуострова до прихода русских, хотя эти материалы недостаточны для установления относительной хронологии обследованных памятников и последовательных этапов развития этой культуры. Между тем два с половиной столетия назад, когда русские впервые появились на Камчатке, ее население пользовалось теми же орудиями и оружием, которые были найдены и при раскопках древних поселений. К тому же мы располагаем ценнейшими письменными сообщениями о быте населения Камчатки того времени, когда оно еще не пользовалось металлом. В свете этих сообщений мы вкратце и рассмотрим материальную культуру древнего населения Камчатки в связи с вопросом об его происхождении.

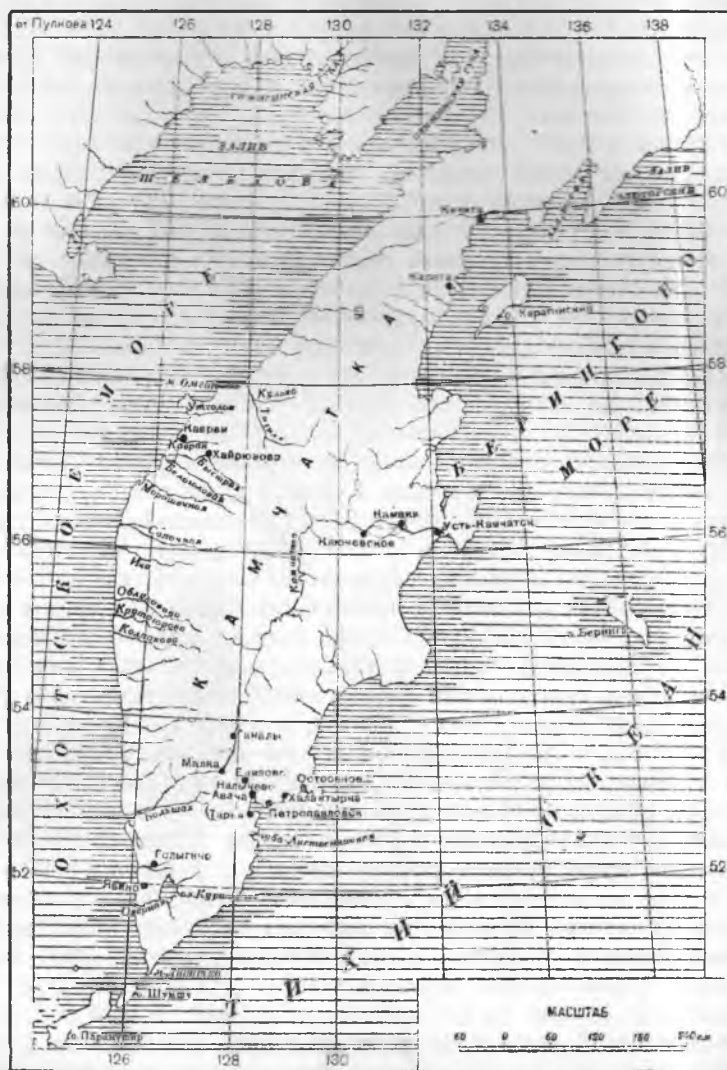
Жилища. По Крашенинникову, свои жилища камчадалы строили следующим образом¹¹: «выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и в ширину смотря по числу жителей. В яме почти на самой середине ставят четыре столба толстые, один от другого по сажени и дале. На столбы кладут толстые перекладыны, а на них потолок накатывают, оставя почти на середине четверугольное отверстие, которое и вместо окна, и вместо двери, и вместо трубы служит. К помянутому перекладинам прислоняют с земли бревна же, которых нижние концы на поверхности земли утверждаются; и, обрешета их жердями, покрывают травую и осыпают землю, так что юрта снаружи имеет вид небольшого круглого холмика; но внутри они четверугольные, однако почти всегда две стены бывают доле, а две короче. У одной продолговатой стены между стоячими столбами бывает обыкновенно очаг, а от него вывод, которого внешнее отверстие гораздо ниже помянутого. Делается сей вывод для того, чтобы входящим во оной воздухом выгоняло дым вон из юрты через верхнее отверстие». «Внутри юрты подле стен делают они полки, на которых спят семья подле семьи рядом. Токмо не бывает полков против очага: ибо там обыкновенно стоит домовая посуда их, чаши и корыта деревянные, в которых и себе и собакам есть варят. А в которых юртах полков нет, там вокруг мест, где спят, положены бревна, а самые места устланы рогожами». «Входят в юрты по лестницам стремянкам, под которыми обыкновенно очаг бывает... Головни из юрт выметывают в верхнее отверстие... В сих юртах живут камчадалы с осени до весны, а потом выходят в балаганы».

Раскопки на Камчатке дали дополнительные сведения о типе древних жилищ. Почти все раскопанные землянки оказались четырехугольной, удлиненной или почти квадратной формы. Только в северной части полуострова они неправильной округлой формы. Посередине или ближе к противоположной входу стене находятся обычно остатки очага. Весьма примечательно, что при раскопках землянок в южной половине Камчатки повсюду обнаруживалось коридорное углубление, служившее входом в землянку. Один старик-коряк сообщил Логиновскому то же, о чем писал и Слюнин¹². В древности вход в землянки был сбоку, через дверь, и только впоследствии дыра была закрыта и ходить в жилище начали через входное отверстие. Последнее преследовало цель защитить жилье от зимних буранов и главным образом избавиться от

¹⁰ E. Devis, Jr. Mott, *Archaeology of Northeastern Asia*, «Papers of the Explorers' Club», vol. I, Nr. 1, 1940 (Cambridge).

¹¹ М. Крашенинников, *Указ. соч.*, II, 25—28.

¹² Слюнин И. *Охотско-Камчатский край*, 1900, 384.



Карта археологических раскопок на Камчатке.

необходимости огребать дверь от снежных заносов. Напомним, что, и по Крашенинникову, помимо входного отверстия в землянку сверху, вместо сеней или коридора камчадалские жилища имели еще и подземный ход в форме узкого тоннеля, который шел от очага и выходил наружу, у одной из стен юрты. Тоннель служил для тяги и был открыт во время топки. Тоннелем этим, который, по Крашенинникову, назывался русскими жупан, для входа и выхода из жилища пользовались женщины, дети и так называемые коекчучи. Группы землянок, вместе с балаганами, еще до прихода русских окружались валами и частоколами для защиты жилищ в междоусобных войнах и войнах с коряками. Бревна камчадалы вырубали и обтесывали при помощи каменных топоров с поперечным лезвием или теслами, с которыми познакомимся ниже. Из раскопок Иохельсона в средней Камчатке на р. Кавране имеются костяной заступ, употреблявшийся, по всей вероятности, для земляных работ, и лопата из китовой кости.

Лопата (рис. 1) овальной формы, типа хорошо известного среди населения крайнего северо-востока Азии. Сделана она при помощи камен-

ного тесла, следы которого хорошо различимы на ее поверхности. Нижний ее край и бока заострены, у верхнего же края высверлены две пары дыр, служившие для привязывания к деревянной ручке. Такие же лопаты были найдены мной при раскопках на Чукотском полуострове¹³, Гейстом¹⁴ и Коллинзом¹⁵ на острове св. Лаврентия. Такие же точно лопаты сохранились и в современном быту чукоч¹⁶ и эскимосов¹⁷. Подобными лопатами чукчи и эскимосы резали дерн при постройке жилищ, а также скалывали снежные сугробы и огребали снег от жилищ. Костяные заступы, аналогичные изображенному на рис. 2, также известны на Чукотском полуострове и на острове св. Лаврентия¹⁸, где они употреблялись для выкапывания и выравнивания места избранного для жилища. Способ прикрепления к рукоятке виден на образце подобного коряжкого заступа, изображенного на рис. 12.

Собирательство. Добывание съедобных корней было одним из главных занятий женщин камчадалок, причем существенное значение имели те запасы, которые выкапывались из мышиных нор. У мышей (*Myodes oesopomus* Pall), как писал Крашенинников¹⁹, «из коренья и других вещей примечены в норах их сарана, корень скрыпуна травы (*Anacamferos*), завязной (*Poligonum bistorta*), шеломайной, сангвисорбин, лютик и кедровые орехи, которые камчадалы вынимают у них осенью с радостью и великими обрядами». Сараной, как известно, на Камчатке называется корневище нескольких видов лилейного растения (*Lilium martagon*, *Fritillaria kantschatika* и др.). Помимо разрывания мышиных нор на Камчатке издревле выкапывались самые разнообразные съедобные коренья при помощи специальных кирок-мотыг. Из раскопок имеются три такие кирки, одна с севера, с устья р. Кичиги, и две из средней Камчатки, с р. Каврана. Наиболее простое устройство кирки-мотыги с р. Каврана изображено на рис. 4; она представляет собой отросток рога северного оленя с высверленными круглыми отверстиями у основания для привязывания к ручке. Более совершенна по форме, более прочна и эффективна в работе мотыга с р. Кичиги (рис. 5). Сделана она также из отростка рога северного оленя, имеет характерный для этого рода орудий изгиб и ряд дыр для прочного, при помощи ремней, привязывания к рукоятке. Типологически сходна с ней, но более выработанной формы вторая кирка-мотыга с р. Каврана (рис. 6). Это весьма солидное орудие из китовой кости интересно вследствие присутствия двустороннего продолговатого желобка, значительно уменьшающего толщину предмета и тем облегчающего работу просверливания дыр, предназначенных для привязывания к ручке. Кирки-мотыги описанных выше типов бытовали у населения северо-востока Азии до самого последнего времени. Ручки от кирок-мотыг, которые несомненно были деревянными, не сохранились. Единственная ручка из китовой кости с северной Камчатки, из раскопок на р. Кичиге (рис. 11), возможно, предназначалась для кирки-мотыги. По середине и у одного из концов этого костяного стержня имеются продольные прорезы, служившие для привязывания орудия.

¹³ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря, 1948, табл. 15, рис. 18.

¹⁴ O. W. Geist and F. G. Rainey, 'Archaeological excavations at Kukulik, St. Lawrence Island, 1936, 105, табл. 24, рис. 6 и 7.

¹⁵ H. B. Collins, 'Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. «Smiths. Miscell. Coll.», vol. 96, Nr. I, 1937, табл. 60, рис. 12.

¹⁶ W. Bogoras, 'The Chukchee, Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., vol. II, 1904—1909, 79, рис. 99a.

¹⁷ E. W. Nelson, 'The Eskimo about Bering Strait, «18 Ann. Rep. Bureau Amer. Ethnology», 1899, 78, рис. 22.

¹⁸ Geist and Rainey, 1936, 104, табл. 24, рис. 3 и 4.

¹⁹ Крашенинников, Указ. соч., II, 227.

Помимо съедобных корней древние обитатели Камчатки собирали также съедобных моллюсков, раковины которых находимы были в кухонных отбросах. По сообщению Стеллера²⁰, в пищу в его время употреблялись главным образом гребешки из группы *Pecten jacobaeus* и мидии *Mytilus edulis* L. Раковины этих же моллюсков находятся и



Таблица I

при раскопках древних жилищ. Для извлечения моллюсков, главным образом гребешков, из раковин были в употреблении специальные костяные ковырялки. Две из них, обе из раскопок на севере Камчатки (устье р. Кичиги) и изображены на рис. 8 и 9. Одна из них — плоский костяной клинок (рис. 8), другая в виде короткой ухвертки, с притупленным концом и с высверленной дырой в верхней части для подвешивания (рис. 9). Для извлечения моллюсков из раковин употреблялись и простые заостренные осколки костей. Такие примитивные ору-

²⁰ G. W. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1793, 3.

для для извлечения моллюсков из раковины известны везде, где моллюски употреблялись в пищу.

Орудия рыболовства и охоты. Собираательство, хотя и играло существенную роль в питании древнего населения Камчатки, но всегда было, вероятно, подсобным занятием. Первостепенное значение имела охота и особенно рыболовство. «Никто не ходит на промысел или в дорогу,— писал Крашенинников²¹ о камчадалах,— без сухой икры, как без надежного содержания». Да оно и понятно. В такой стране, как Камчатка, где реки изобилуют рыбой, а во время нереста в реки для метания икры входят несметные количества рыбы, последняя всегда должна была являться основой питания населения. Из раскопок, между тем, мы не имеем почти никаких орудий рыболовства. Последнее объясняется, вероятно, тем, что раньше, как и в

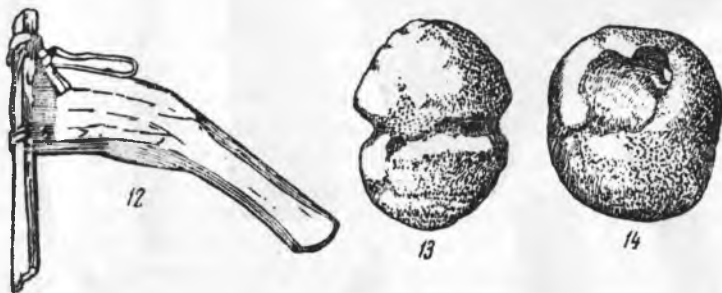


Таблица II

настоящее время, коренное население полуострова ловило рыбу почти исключительно с помощью запоров. Из раскопок мы имеем только костяной зубец остроги, железный крючок в костяной оправе и костяные пластинки с дыркой для подвешивания, которые считаются блеснами приманок. Все эти вещи из бухты Ложных Вестей Карагинского острова, и притом из раскопок позднего коряцкого стойбища. Костяной наконечник (рис. 3), повидимому, от двухзубцово остроги с одной внутренней бородкой у переднего конца и с плоско затесанным череном. Крупный железный рыболовный крючок (рис. 7), несомненно заимствованный от русских, типичный крючок перемета. Костяными блеснами, подобными изображенной на рис. 10, коряжки пользуются как приманкой при подледном лове морской рыбы. При раскопках в средней и южной Камчатке были находимы в значительном числе каменные грузила к рыболовным сетям двух типов: с круговым желобком (рис. 13) или с дыркой (рис. 14) для подвешивания.

Из предметов вооружения и охоты на первом месте стоят лук и стрелы. Последние из раскопок особенно многочисленны и крайне разнообразны по материалу и форме. Луков и их остатков из раскопок мы не имеем, но, по всей вероятности, они были простые деревянные. В противном случае были бы найдены костяные пластинки, концевые или серединные, от сложных луков. При стрельбе из лука туземцы Камчатки пользовались костяными защитными наручниками, по форме подобными широко распространенным по всей Сибири, начиная от Урала до тихоокеанского побережья. Один из них (рис. 15) был найден в средней Камчатке на р. Кавране. Он, хотя и плохой сохранности, но на его наружной поверхности сохранились поперечные ряды орнаментальных ямок. Такие наручники известны на Чукотском полуострове из древних жилищ пунукской стадии эскимосской

²¹ Крашенинников, Указ. соч., II, 50.

культуры. Второй наручник с Карагинского острова, очень грубой работы (рис. 16), найден в комплексе поздних вещей с железными срудиями, несомненно коряцкий. О стрелах древних камчадалов Крашенинников²² писал, что они «обыкновенно бывают в аршин и три четверти, с костяными или каменными копейцами, а называются они разными именами по разности копейцов. Стрела с костяным тонким копейцом — пенш, с широким — аглкпынш, с каменным копейцом — кауглач, тупая стрела с костяною головкою или томар — ком, деревянный томар — тылшкур». Несмотря на то, что наконечники камчадалских стрел нередко, как увидим ниже, были очень небольших размеров, ими пользовались для нападения на врага и опасного зверя. «Стрелы их, — читаем у Крашенинникова²³, хотя и весьма плохи, однако опасны в сражении, ибо они ядом бывают помазаны, от которого раненый человек тотчас опухает». Коряки, юкагиры и чукчи, по сообщению того же автора, «толченым корнем лютика намазывают стрелы свои, чтобы раны их неизлечимы были неприятелем; и сие самая истина, что раны от такой стрелы тотчас синеют, и все вокруг оной пухнет, а по прошествии двух дней всеконечно и смерть последует, есть ли не будет употреблено надлежащей осторожности, которая в одном том состоит, чтобы яд из раны высосать. Самые большие киты и сивучи, будучи легко поражены, не могут быть долго в море, но с ужасным ревом выбрасываются на берег и погибают бедственно». Яд, по Крашенинникову, получался из корня лютика, причем интересно сообщение того же автора²⁴, что яд этот для стрел своих камчадалы раньше приобретали у жителей первого Курильского острова, т. е. у айнов. О курильцах или об айнах Крашенинников писал²⁵, что «около Лопатки и островов своих разъезжают на байдарках и ищут таких мест, где киты спят обыкновенно, которых нашед быют ядовитыми стрелами. И хотя рана от стрелы толь великому животному сперва совсем нечувствительна, однако вскоре после того бывает причиною нестерпимой болезни, которую изъясняют они мучись во все стороны и преужасным ревом; напоследок в кратком времени будучи раздуты издыхают». Вполне вероятно, что применение яда для отравления стрел населением Камчатки позаимствовано с юга от айнов, ибо, за исключением перечисленных племен, другие народы Сибири стрел не отравляли.

Костяные наконечники стрел из раскопок на Камчатке могут быть подразделены на три группы: наконечники простые, наконечники бородчатые и с тупой головкой. Простейший тип первой группы (с р. Каврана) — лавролистные костяные наконечники стрел с уплощенным основанием, вставляющимся в расщепленное древко, представлен на рис. 17. Оттуда же имеются массивные, удлиненной формы черенковые наконечники, эллипсоидной и уплощенно-ромбической в поперечном сечении формы (рис. 18 и 19). Этого же типа наконечники были найдены на севере, в гроте залива Омаян (рис. 20). Тип третий — очень узкие и длинные костяные наконечники стрел с клиновидным основанием, вставляющимся в древко. Стрелы и этого типа были найдены на р. Кавране (рис. 21) и на северо-восточном побережье, в гроте Омаян (рис. 22) и в заливе Олюторском (рис. 23). Тип четвертый — плоские и широкие наконечники стрел с вильчатым основанием — происходят также с северо-восточного побережья, с залива Олюторского (рис. 24) и Омаяна (рис. 28). Единственным экземпляром представлен наконечник стрелы лавролистной формы с плоским череном,

²² Крашенинников, Указ. соч., II, 65—67.

²³ Там же, I, 209.

²⁴ Там же, 118—119.

²⁵ Там же, 299.

также из северо-восточной Камчатки с р. Кичиги (рис. 29). Таким образом, ареал распространения простых костяных наконечников стрел — северная половина Камчатки от широты р. Каврана, иначе говоря, область, заселенная преимущественно коряками. Не менее

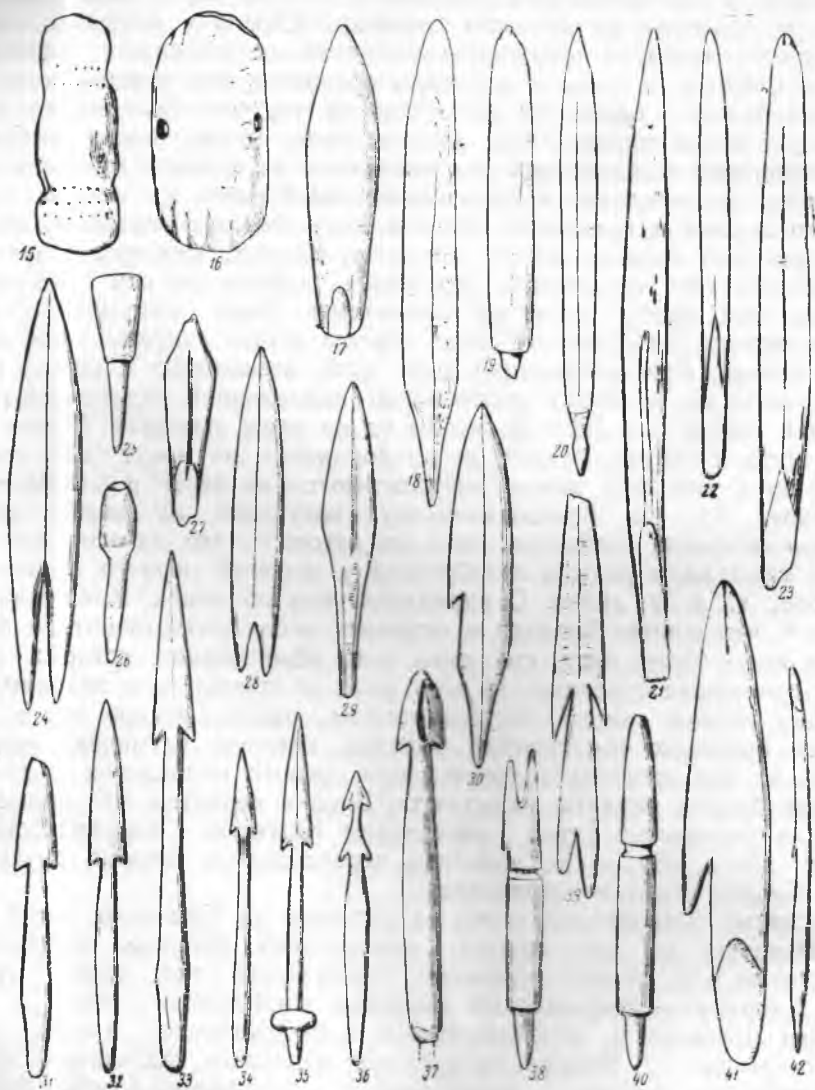


Таблица III

разнообразны костяные наконечники стрел и второй группы — бородчатые. Тип первый — широкие и плоские наконечники — отличаются от наконечников первой группы только наличием одной или двух небольших бородак. Они встречаются в двух вариантах — с плоским клиновидным основанием или черенковые. Такие наконечники известны только с северо-востока из залива Олюторского и с Омаяна (рис. 30, 39 и 41). Тип второй — узкие и длинные бородчатые наконечники стрел, варьируют в деталях, но все черенковые (рис. 31—36 и 42). Такие наконечники стрел были найдены только на мысе Лопатки и принадлежат, видимо, к группе наконечников стрел, характерных для айнской культуры. Подобные же наконечники были найдены Тории

при раскопках на северных Курильских островах²⁶. К этой же группе относятся и массивные наконечники стрел с южной Камчатки из раскопок у оз. Курильского (рис. 37) со стержнем, почти круглым в поперечном сечении, с двумя бородками у самого переднего конца и тонким, круглым в поперечном разрезе череном. На одной из плоских сторон переднего листовидного конца такого наконечника имеется глубокая желобчатая выемка. Выемка эта могла служить для помещения в нее яда, о котором упоминалось выше. Наконечники стрел этого типа генетически связаны с наконечниками стрел, оснащенными костяными копейцами, найденными Торием на северных Курильских островах²⁷. К этой же категории относятся костяные наконечники, или головки стрел, найденные при раскопках у оз. Курильского (рис. 38 и 40). Наконечники эти круглые в поперечном сечении, с череном, вставляющимся в древко, с кольцевым желобком посередине и со срезом-зарубкой на одной из сторон. Передний конец, куда вставлялось копьцо, заостренный или вильчатый. Эти наконечники стрел специальной формы типологически могут быть связаны только с подобными же эскимосскими наконечниками стрел. Тупые костяные наконечники стрел очень малочисленны и, видимо, не типичны для рассматриваемых культур. Нам известны всего три таких наконечника: один с крайнего северо-востока, из залива Омаяна (рис. 26), один из средней Камчатки, с р. Каврана (рис. 27) и один с мыса Лопатки (рис. 25). Последний подобен найденному Торием на одном из северных Курильских островов²⁸.

Каменные наконечники стрел с Камчатки очень многочисленны и весьма разнообразны по форме. Встречаются совсем миниатюрные — 1,5—2 см длиной и настолько крупные, что могут быть приняты за наконечники метательных дротиков или копий. Провести резкое разграничение между наконечниками стрел и копий не легко, но для Камчатки наиболее надежным критерием, повидимому, будут не столько размеры, сколько массивность таких орудий. Наконечники стрел, за редким исключением, легкие, узкие и длинные, а в тех случаях, когда они короткие, — то все же легкие и плоские. Наконечники дротиков или копий солидные и массивные, тяжелые. Классификация камчатских каменных наконечников стрел затрудняется неустойчивостью их формы, изменчивостью и наличием переходных форм между выделяемыми типами. Среди имеющихся в нашем распоряжении наконечников стрел с Камчатки большинство не из раскопок, а случайные подъемные вещи. Поэтому изменение их формы во времени и местные вариации не прослеживаются, что затрудняет детальное их изучение. Типологически Уильсон (1897) для американских каменных наконечников стрел и Шнелл (1932) для таковых с Курильских островов принимают деление на три основные группы: листовидные, чаще в форме ивового листа, треугольные и черенковые. По нашим подсчетам, наиболее многочисленна на Камчатке группа листовидных наконечников. К этой категории принадлежат, примерно, две трети всех найденных там наконечников стрел. Реже встречаются черенковые и треугольной формы. Среди листовидных каменных наконечников стрел значительное большинство имеет форму листа лаврового (рис. 43 и 44) или ивового листа (рис. 45, 46 и 49). Черенковые наконечники стрел обычно имеют ромбовидную форму (рис. 47, 48, 53 и 54). Треугольные — чаще удлинённой формы с вогнутым основанием (рис. 50, 52), реже — широкие с прямым или

²⁶ Тоги, Указ. раб., табл. 30, рис. 7, 12 и 14.

²⁷ Там же, табл. 31, рис. А и В.

²⁸ Там же, табл. 30, рис. 18.

вогнутым основанием (рис. 55 и 56). Повторяем, что между этими типами имеются переходные формы.

Судя по толстой пятке и черену каменных наконечников стрел, последние закреплялись непосредственно в древке стрелы. Только последние с прямым или с вогнутым основанием (рис. 50, 52, 53 или 55)

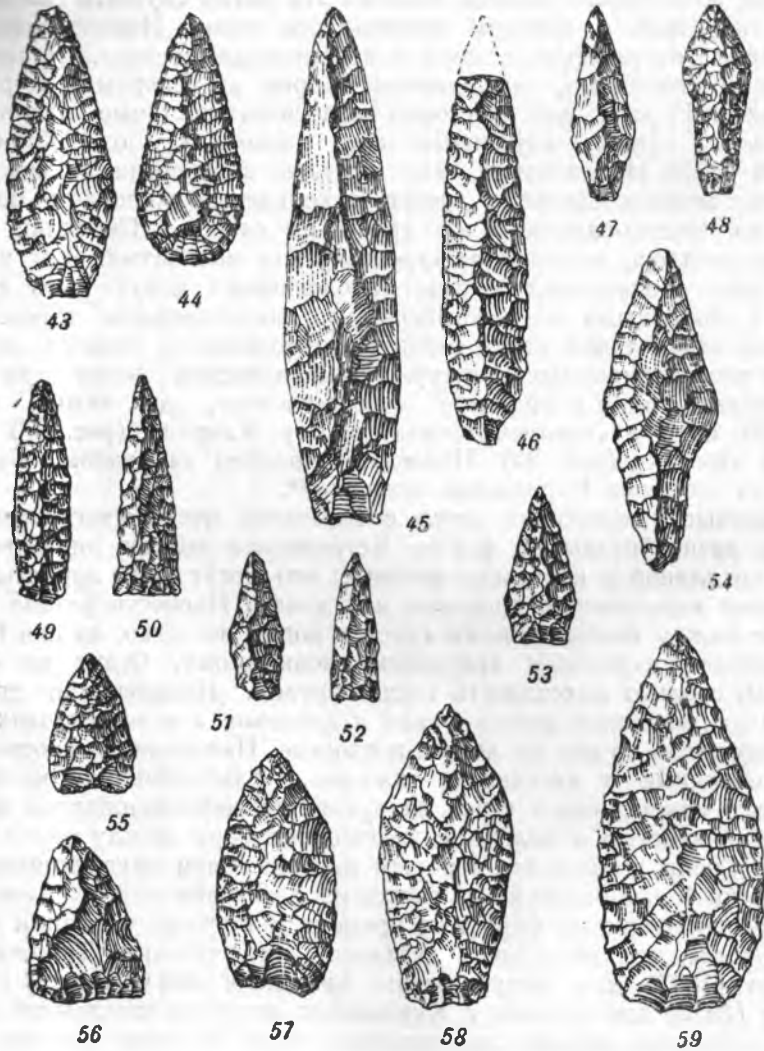


Таблица IV

вставлялись, вероятно, как копьцо в прорез костяного наконечника стрелы. Наконечники последнего типа особенно характерны для южной Камчатки и соседних Курильских островов.

Весь комплекс камчатских каменных наконечников стрел, типичный неолитический, имеет много общего на западе с наконечниками стрел Восточной Сибири, начиная от Прибайкалья²⁹, а на юге — с наконечниками стрел, находимых на Курильских и Японских остро-

²⁹ Б. Э. Петри. Неолитические находки на берегу Байкала, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. III, 1916.

вах³⁰. Для крайнего северо-востока Азии, для территории распространения эскимосской культуры камчатские наконечники стрел не типичны.

Каменные наконечники копий и метательных дротиков одни от других отличаются только тем, что первые более массивны, вторые значительно легче. Точного разграничения между ними, когда нет древка, провести нельзя, и поэтому мы рассматриваем их совместно.

Из многочисленной серии наконечников дротиков с Камчатки приводятся изображения только трех, двух со средней Камчатки, с р. Каврана (рис. 58), и с р. Кульки (рис. 59) и одного из южной, с оз. Курильского (рис. 57). Все они обсидиановые, листовидной формы, массивные и прекрасно обработанные отжимной ретушью на обеих поверхностях. Подобные наконечники встречаются на Камчатке повсюду.

Наконечники копий по размерам значительно больше наконечников дротиков и более варьируют по форме. Некоторые из них имеют листовидную форму с уплощенным основанием, вставляющимся в древко, например, изображенный на рис. 62, с Курильского озера, или на рис. 64, из губы Тарья. Чаше они имеют ромбическую форму с отчетливо различимым череном (рис. 60, из губы Тарья), иногда с перехватом выше черена (рис. 61, с р. Кульки). Имеются и промежуточные формы. В отличие от наконечников дротиков, наконечники копий более плоские.

Материал, из которого изготовлялись наконечники стрел, дротиков и копий, — обсидиан, кремь, халцедон, реже яшма, окремненный туф, кремнистый сланец.

В древности у побережий Камчатки в огромных количествах водились морские млекопитающие. О тюленях Крашенинников писал, что их «в тамошних морях неописанное множество, особливо в то время, когда рыба из моря вверх по реке идет, за которою они не токмо в устья, но и далеко вверх по рекам заходят такими стадами, что нет такого близкого к морю острова, которого лески не покрыты ими были как чурбанами». Тюленей у отдушин камчадалы, как и сивучей, били, по Крашенинникову, носками, т. е. гарпунами. Впрочем, он отмечает, что «камчадалы никогда не бьют сивуча в море, ведая, что он опрокидает суда с людьми и погубляет. В спящих на море стреляют ядовитыми стрелами, а сами прочь отходят. Сивучи не терпя болезни от разъедающей рану морской воды выходят на берег, и там или закалываются или, ежели место к убиению неспособно, сами издыхают»³¹. Носками, т. е. гарпунами, по Крашенинникову, добывали морских котов, бобров и коров, последних — гарпунами с железными наконечниками. Следует, впрочем, отметить, что камчадалы, видимо, никогда не были настоящими промышленниками морских млекопитающих, плавали в ботах, а не в байдарках. Морскими зверобоями были курилы, которые «и около Ловатки и островов своих разъезжают на байдарках и ищут таких мест, где киты спят обыкновенно, которых нашед бьют ядовитыми стрелами»³². О камчадалах же Крашенинников писал, что они «морских судов не имеют»³³. Несмотря на обилие морских млекопитающих, их промысел на Камчатке всегда имел третьестепенное значение в экономике древнего ее населения, «ибо, — как писал Крашенинников, — вся Камчатка, од-

³⁰ Тоги, Указ. раб., табл. 28; Е. Акабора, Местные отличия объектов каменных наконечников стрел в Японии, «Журн. Токийского антропол. общ.», т. 46, 1931 (по-японски); Schnell, Указ. раб., табл. 12 и 13.

³¹ Крашенинников, Указ. соч., II, 271.

³² Там же, I, 299.

³³ Там же, II, 69.

нюю «затается рыбою»³⁴. Этим, вероятно, и объясняется крайняя бедность находок наконечников гарпунов на Камчатке. Среди многих сотен каменных орудий и многих десятков известных нам орудий костяные наконечники гарпунов исчисляются единицами. Бородчатый наконечник гарпуна из Тарья губы, опубликованный Шнеллем³⁵



Таблица V

(рис. 88),— с двумя асимметричными бородками, но наконечник этот не поворотный, а прочно укреплялся в древке и никак не мог быть использован для промысла морских млекопитающих. Это был зубец остроги для добычи лососевых рыб. От наконечника гарпуна, возможно

³⁴ Крашенинников, Указ. соч., II, 310.

³⁵ Schell, Указ. раб., табл. 17, рис. 7.

поворотного, судя по наличию дыры для линя, имеется передняя половина с мыса Лопатки (рис. 89), и этот наконечник принадлежал, вероятно, курилам, а не ительменам. Бородчатые поворотные наконечники гарпунов известны из раскопок на соседних Курильских островах³⁶. В южной Камчатке при раскопках у оз. Курильского был найден типичный колок для насады поворотного наконечника гарпуна (рис. 90), а на средней Камчатке, на р. Кавране были найдены две костяные головки древков гарпунов (рис. 91 и 92). Вот и все предметы гарпунного комплекса, найденные на Камчатке. При этом следует отметить, что все эти вещи типологически относятся к сравнительно позднему времени, по аналогии с эскимосскими наконечниками гарпунов — ко второму тысячелетию н. э.

Ножи каменные. О древних камчадалах Крашенинников писал: «ножи они делали из горного зеленоватого и дымчатого хрустала на подобие ланцов востроконечные, и насаживали их на черенья деревянные»³⁷. Однако мы знаем, что каменными ножами пользовались и без специальных рукояток, непосредственно зажатými в руке. Недаром «женщины всякую работу делают в перчатках, которые шьются без пальцев и никогда их не снимают»³⁸. Ножами каменными пользовались для самых разнообразных работ: при снятии шкур с животных, для расчленения их туш, при пластовании рыбы, для разрезывания и кройки шкур для одежды, при работах по дереву и т. п. Отсюда большое разнообразие их типов и форм. Архаический облик имеют два орудия с оз. Курильского, обсидиановое (рис. 63) и из окремнелого туфа (рис. 66), и одно с р. Каврана, из дымчатого кварца (рис. 67). Вследствие своей массивности и толщины пятки они никак не могли употребляться укрепленными в рукоятке и ими работали, как ножами, вероятно, непосредственно зажатými в руке. Без рукоятки использовались также ножами сегментовидными, образца, приведенного на рис. 82 и 85; они оба обсидиановые, из Тарья губы. Оригинальной формы и великолепный по выполнению большой нож с р. Хайрузовой из дымчатого кварца (рис. 69). По словам ительменов, такими ножами пользовались при разделке рыбы, держа их непосредственно в руке, причем в работе пользовались обоими концами, узким и уплощенным, хотя главная работа производилась уплощенным концом. Несмотря на тонко обработанные режущие края, нож этот удобно держать в руке, а при работе в кожаной перчатке совершенно безопасно для руки. Без специальной рукоятки пользовались, вероятно, и ножами листовидной формы из окремнелого туфа (рис. 62) с оз. Курильского и кремневым (рис. 65) с р. Кульки. Из клинков, которые вставлялись в деревянную рукоятку, заслуживают внимания ножевидные пластины прямоугольной формы, тщательно отретушированные на обеих поверхностях, которые могли употребляться как боковые вкладыши в костяные или деревянные рукоятки. Впрочем, такие пластины-вкладыши на Камчатке встречаются очень редко, и нам известны всего только два или три таких предмета. Случайной формы и обсидиановый прямой клинок ножа (рис. 70) из Тарья губы.

Многочисленна и очень разнообразна серия ножей асимметричных, в которой можно выделить несколько типов. 1. Ножи с более или менее прямой спинкой, выгнутым лезвием, в вариантах узкоклинковые и ширококлинковые, без черена или с череном. Образец узкоклинкового кремневого ножа без черена с оз. Налычева приведен на рис. 72 и ширококлинкового из Тарья губы — на рис. 86. На рис. 76 и 78 изобра-

³⁶ Тогиі, Указ. раб., табл. 30, рис. 19.

³⁷ Крашенинников, Указ. соч., II, 32.

³⁸ Там же, 48.

железы узкоклинковые ножи с череном из окремнелого туфа с р. Каврана и обсидиановый из Тарья губы. Особенно многочисленны ширококлинковые ножи с череном: в качестве образцов даются изображения таких ножей из окремнелого туфа (рис. 73) с р. Каврана и с оз. Курльского (рис. 77). 2. Второй тип ножей, по существу мало отличаю-

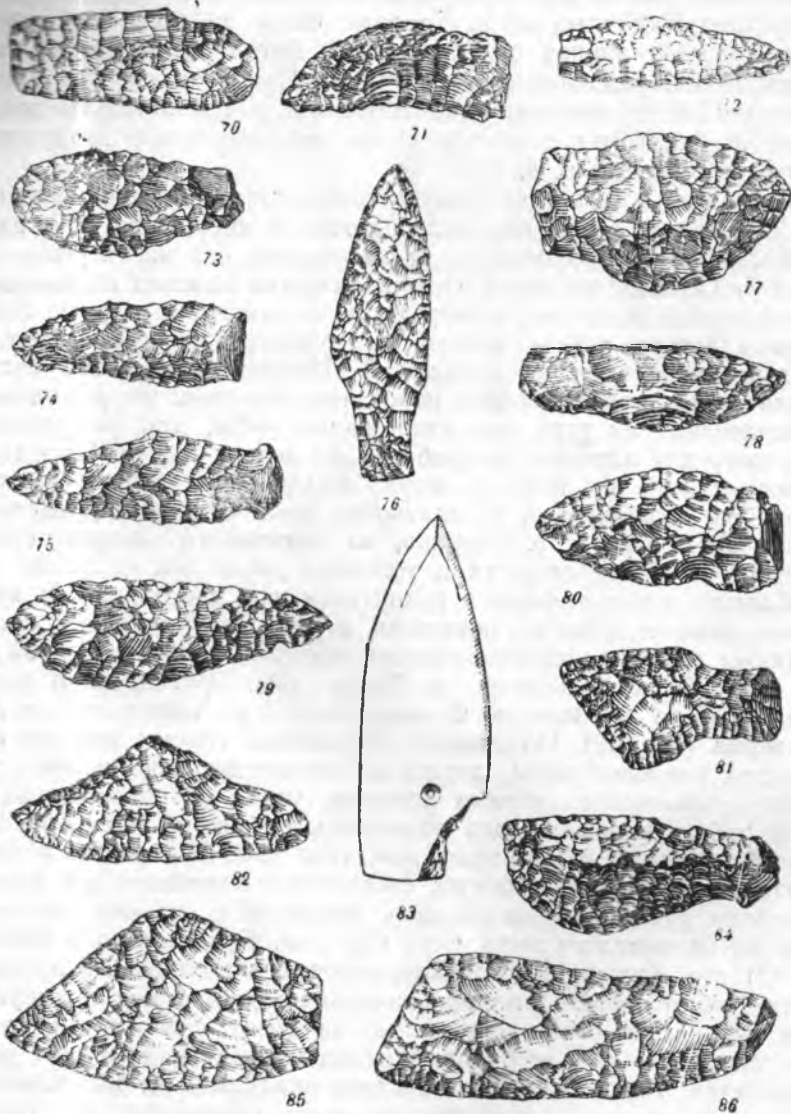


Таблица VI

щийся от типа первого,— ножи с выгнутой спинкой и прямым лезвием, они также встречаются в двух вариантах: узко- и ширококлинковые, как это можно видеть на изображениях двух обсидиановых ножей с южной Камчатки (рис. 74, Тарья губа и рис. 80, дер. Савойко). Только что описанные ножи можно назвать мясницкими. Более грубой работы — служили для расчленения туш и разрезывания мяса, более тщательной отделки — для свежевания зверей и срезания мездры со шкур. 3. Следующий тип ножей «горбатых» сравнительно многочислен. Признак, позволяющий такие ножи рассматривать как особый тип,— это наличие тщательно отретушированного вогнутого лезвия, например,

обсидиановый нож с оз. Курильского (рис. 71). 4. Ножи с шейкой у черена, со слабо выгнутой спинкой и резко выгнутым лезвием, также встречаются в двух вариантах — узко- и ширококлинковые. Узкоклинковые ножи этого типа суживаются к переднему концу (рис. 75), — нож из окремелого туфа с р. Кульки, ширококлинковые же к переднему концу обычно расширяются (рис. 81 и 84) — обсидиановые клинки, первый из Тарья губы, второй — из южной Камчатки. Этот тип ножей на Камчатке многочислен, встречается как в средней, так и в южной ее части; известен он и за пределами Камчатки, особенно в Японии³⁹ и на Алеутских островах⁴⁰. Назначение таких ножей то же, что и мясницких, но нет уверенности в том, что они укреплялись в рукоятке. В некоторых из них шейка способствовала более прочному укреплению в конце деревянной ручки при помощи специальной обмотки. Часть же таких ножей не могла вставляться в рукоятку или по причине очень толстой пятки черена (рис. 75), или вследствие незначительных ее размеров и, следовательно, хрупкости, особенно при тонкой шейке, как, например, у клинка из дымчатого кварца с р. Каврана (рис. 79). Шейка подобных ножей скорее служила для подвешивания их на ремне. Подобные ножи известны и в Японии⁴¹. Примечательно почти полное

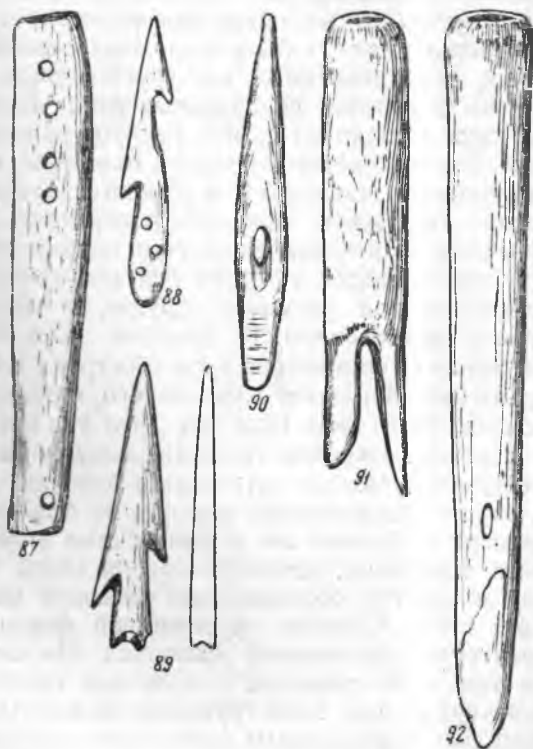


Таблица VII

отсутствие на Камчатке шлифованных ножей из глинистого сланца. Не говоря уже о столь типичных для поздних этапов эскимосской культуры женских портняжных ножах (*ulu*), которых на Камчатке мы вовсе не знаем, но и мужских сланцевых ножей имеется только два: один цельный черенковый с конически высверленной дырой близ черепа (рис. 83). из Авачинской губы, и обломок другого — с р. Каврана. Интересна единственная известная нам костяная ручка ножа (рис. 87) с р. Каврана. На одном ее конце высверлена дыра для подвешивания, а на другом, близ гнезда для клинка ножа, высверлено пять орнаментальных дыр. Дыры высверлены сверлом с металлической перкой. По типу эта ручка повторяет хорошо известную форму поздних эскимосских ручек с Чукотского полуострова. Отсутствие на Камчатке шлифованных ножей из глинистого сланца тем более заслуживает внимания, что они широко распространены по периферии, на Японских и Филиппинских

³⁹ N. G. Munro, *Prehistoric Japan*, 1911, 92, табл. 18, рис. 16.

⁴⁰ W. Jochemson, *Archaeological investigations on the Aleutian Islands*. Carnegie Inst., Washington, 1925, 23—26, 36 и 39, табл. 15, 61, рис. 17.

⁴¹ С. Умехара, Официальный отчет о раскопках доисторической стоянки Киташиракова — Кокурохо в Киото, 1934 (по-японски).

островах на материковом побережье Охотского моря и особенно типичны на севере для поздних этапов развития эскимосской культуры.

Скребки каменные из раскопок на Камчатке очень многочисленны. Крашенинников, подробно описывая⁴² камчадалскую технику выделки мехов и кож, сообщает, что болоня и жилы сбивают «каменным утвержденным в середину палки», затем скоблят ножом. Круглые, дисковидные скребки на Камчатке встречаются редко. Нам известен один из таких скребков — обсидиановый с вершины р. Сопочной (средняя Камчатка). Он сравнительно небольших размеров, грубо обработан крупными на обеих поверхностях сколами. По форме, кроме дисковидных, могут быть выделены скребки концевые на длинных пластинах, трапециевидные или грушевидные, эллипсоидные, иногда почти круглые и скребки специальных форм. Концевые скребки на длинных пластинах — один из самых распространенных типов скребков на Камчатке. Это отколотые от ядрищ пластины, обычно с отчетливо выраженной ударной площадкой и ударным бугорком на внутренней плоской стороне. Наружная, выпуклая поверхность спинки оформлена крупными сколами и отретуширована. При характерной для этих скребков односторонней обтеске, одни из них отличаются тщательной обработкой и мелкой краевой ретушью, другие, а таких большинство, — довольно грубым оформлением. В качестве образцов приведены изображения скребков из окремнелого туфа с острова Карагинского (рис. 94), из губы Тарья (рис. 93), с оз. Курильского, один кварцитовый (рис. 95), другой из окремнелого туфа (рис. 96). Этот тип скребков встречается на Камчатке повсюду. Скребки трапециевидные обычно высокой формы, с круто, почти прямоугольно, затесанным рабочим краем. Хорошие образцы этого типа — обсидиановые скребки из Авачинской губы (рис. 97 и 98). По аналогии с такими же эскимосскими можно думать, что работали этими скребками, вставленными на конце короткой ручки. К этому же типу относится обсидиановый высокой формы скребок (рис. 107) из Тарья губы. Скребки грушевидной формы особенно многочисленны и характерны для неолита Камчатки. По нашим подсчетам, таких скребков только из раскопок Иохельсона свыше 60. При ряде общих черт, характерных для этой группы в целом (одна сторона плоская, другая выпуклая с продольным хребтиком посередине, что придает этим скребкам треугольную в поперечном разрезе форму; широкий передний, круто затесанный рабочий край, основание острое вставлялось в рукоятку), имеется много вариантов в частности. По очертанию одни удлиненно-листовидные с почти параллельными ребрами, — скребок из окремнелого туфа с оз. Курильского (рис. 99), другие почти треугольные, — обсидиановый с того же озера (рис. 100). Часть имеет почти правильную грушевидную форму (рис. 101, с оз. Курильского) или асимметричную (рис. 102, оттуда же). У одних выпуклая поверхность оставлена почти без обработки (рис. 103, дер. Совойко), у других она тщательно обработана последовательной ретушью (рис. 104, с р. Кульки). У некоторых и притом у очень немногих скребков этого типа обе поверхности отретушированы (рис. 108, из Авачинской губы). О скребках из раскопанных им юртович Дитмар писал⁴³: «скребки, сделанные посредством отбивания, сходны с теми, которые еще и ныне в ходу у коряков для отскабливания сырых кож... Очертание у них удлиненно-грушевидное... более широкий конец служит для отскабливания... Другой более узкий конец при помощи тонких ремешков заземляется в рукоятке, состоящей из двух деревяшек... служащей для работы скребком». Скребки круглые меньших размеров, с плоским брюшком и выпуклой спинкой,

⁴² Крашенинников, Указ. соч., II, 40—41.

⁴³ Дитмар, Указ. раб., 214.

с рабочим краем, отретушированным почти по всей окружности: обсидиановый с оз. Курильского (рис. 105) и из окремнелого туфа с р. Каврана (рис. 106). Редкая треугольная форма высокого обсидианового скребка с мыса Налычева (рис. 109). Столь же редкая колоколовидная



Таблица VIII

форма скребка из окремнелого туфа с оз. Курильского (рис. 110). Брюшко плоское, спинка выпуклая, сплошь обработанная отжимной ретушью. Несмотря на особую форму, специализированную за счет преднамеренного расширения рабочего края, такие скребки имеют достаточно обширный ареал распространения. Подобные скребки мы знаем на юге в Японии, у эскимосов Северной Америки и в большом количестве в Гренландии⁴⁴. Появление такого скребка на юге Камчатки, возможно, свя-

⁴⁴ Мурго, Указ. раб.; O. Solborg, Beiträge zur Vorgeschichte der Osteskimo, «Vid.-Selsk.-Skrift», II, Hist. Filos. Klasse, No. 2, 1907, рис. 5.

зано с айнским влиянием. Своеобразную форму имеют кремневые скребки из Авачинской губы и с р. Кульки (рис. 111 и 112), с шейкой, вероятно, для подвешивания на ремешке. Скребки эти по форме напоминают ножи с шейкой у черена, но односторонняя оббивка рабочего края и их профиль не вызывают сомнения в том, что мы имеем дело со скребками. За исключением скребка колоколовидной формы, связанного предположительно с айнским южным влиянием, все основные типы скребков на Камчатке распространены повсеместно, и из них особенно характерны

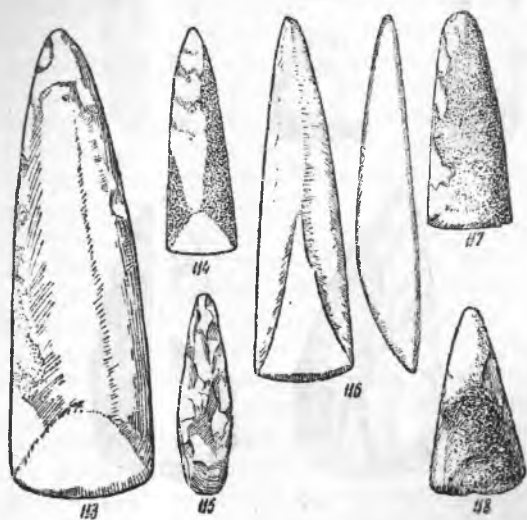


Таблица IX

двуручные грушевидной формы скребки, вставляющиеся в деревянную рукоятку.

Скобели-тесла. Многочисленную, разнообразную и очень характерную для неолита Камчатки группу каменных орудий представляют тесловидные орудия удлиненной формы, приближающейся иногда к треугольной, со слегка выпуклыми ребрами, тщательно отполированные по всей поверхности. Изготавливались они как из плотных горных пород, таких, как яшма или фельзитовый порфир, так и из мягких — песчаники, глинистый сланец. Для орудий этого типа, как сказано, характерна треугольная, иногда очень удлиненная форма (рис. 113 и 114), реже укороченная (рис. 117). В некоторых случаях они бывают почти правильной треугольной формы (рис. 118), со слегка выпуклыми сторонами. Одно из самых больших таких орудий (рис. 113), как и изображенное на рис. 118, сравнительно плоское, в орудиях же, изображенных на рис. 116 и 117, при одной плоской стороне две другие поставлены под таким крутым углом, что в разрезе имеют форму почти равнобедренного треугольника. Подлинного назначения этих орудий мы не знаем, так как употребление их для рубки при наличии настоящих каменных тесел было мало целесообразно. Кроме того такие орудия редко встречаются с зазубренным или притупленным от длительного употребления рабочим краем. Между тем на Камчатке они имели очень широкое распространение. Они попадались повсюду при раскопках жилищ и являются самым обычным предметом в коллекциях случайных находок. Ительмены такое орудие называли аут — скобелем, употреблявшимся при выделке шкур. Единичным экземпляром представлено орудие из кремнистого сланца (рис. 115), по форме несколько напоминающее вышеописанные, но более узкое и плоское, тщательно заточенное и отшлифованное на обоих концах.

Тесла — орудия, также очень характерные для камчатского неолита. «Топоры у них (камчадалов), — писал Крашенинников⁴⁵, — делались из оленьей и китовой кожи, также из яшмы наподобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорщикам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее...» Многочисленная серия таких каменных орудий, несмотря на большое разнообразие их формы и величины, может быть объединена в одной

⁴⁵ Крашенинников, Указ. соч., II, 32.

группе топоров с поперечным лезвием или тесел. Все они сделаны из твердых горных пород. Часть из них прямоугольной формы, некоторые трапециевидной, приближающейся к треугольной. Одни массивные, другие плоские. Сильно варьируют они и по размерам, от 4,3 до 16,4 см. длины. Рабочий край всех тесел заточен с двух сторон, но асимметрично. Поверхность, за исключением орудий не законченных, почти полностью отшлифована. По форме и, до известной степени, по назначению можно различать три подгруппы тесел. Первая — тесла больших размеров, привязывавшиеся к топорщику. Это или топоры очень массивные, четырехугольной в поперечном разрезе формы, с круто затесанным рабочим краем (рис. 119 и 120), или уплощенные с менее круто затесанным лезвием (рис. 121—123). Следующая подгруппа — тесла средних размеров (рис. 124, 125 и 127). Третья подгруппа — миниатюрные, тщательно отделанные тесла, которые вставлялись своей пяткой в роговую обойму или непосредственно в гнездо обуха топорщика (рис. 126). Такие маленькие тесла употреблялись скорее для работы по кости, чем по дереву. Тесла на Камчатке были распространены повсюду и особенно их много в случайных находках.

Провертки каменные и отщепы. Для сверления дыр были в употреблении и ручные провертки (рис. 128) и перки дрелей (рис. 129 и 130), чаще всего обсидиановые. Перки дрелей, хотя не так многочисленны, как ножи, скребки



Таблица X

или тесла, но являлись обычными находками при раскопках жилищ на всей Камчатке. Помимо вполне установившихся типов орудий, камчадалы несомненно пользовались для разных поделок, при работах по дереву и кости, также простыми каменными отщепами. К сожалению, при производстве раскопок на такие отщепы мало обращалось внимания, и они полностью отсутствуют в таких больших коллекциях, как коллекция Йохельсона и Логиновского. Между тем в небольшой коллекции с р. Хайрузовой, собранной Орловой, имеется достаточное количество таких отщепов (рис. 131—134). При детальном их рассмотрении ясно, что некоторые из них с осторезующими краями могли непосредственно употребляться как орудия, часть их при этом несет несомненные следы работы, а на некоторых вполне различима и мелкая ретушь.

Приготовление пищи и посуда. Число предметов домашнего обихода, найденных при раскопках, крайне ограничено. Сюда относятся крюки из отростков оленьего рога для подвешивания котлов над костром или для развешивания утвари в жилище (рис. 140). Обычная находка — каменные песты, образцы которых приведены на рис. 141 и 142. Часто находят каменные жирники-светильники, нередко

весьма примитивного устройства (рис. 145 и 146). Каменных ламп голыш Иохельсоном при раскопке жилищ было найдено 36. Они разнообразны по величине и форме: круглые, эллиптические, яйцевидные; прямоугольных нет. Одни из них представляют собой простой голыш с углублением для жира (рис. 145 и 146), другие имеют специальный желобок или ушко для подвешивания (рис. 143 и 144). Большинство плоскодонные и стоят без подставок. В отличие от эскимосских в камчатских жирниках нет ни мостков, ни желобков для фитилей и жира. Нет глиняных и из мыльного камня, все они из твердых горных пород. Костяные ложки известны двух типов. Ложки глубокие с очень длинной прямой ручкой, например, из раскопок на р. Кавране (рис. 135).

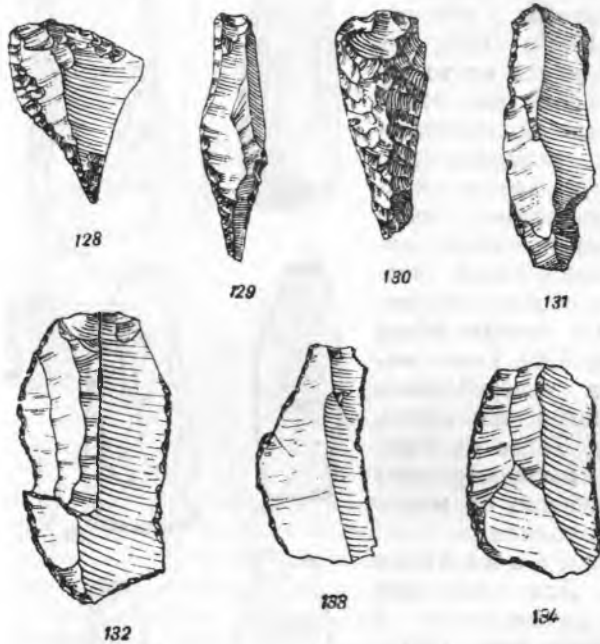


Таблица XI

Этот тип ложек характерен для племен северо-восточной Сибири, включая эскимосов. Второй тип ложек — плоские, мелкие со сравнительно короткими ручками (рис. 136 и 137), с той же р. Каврана. Судя по наличию перок дрелей, сверлением добывался и огонь. О таком способе добывания огня подробно писал Крашенинников⁴⁶.

Незначительное количество остатков посуды, в частности, глиняной, о которой речь ниже, находимых при раскопках жилищ на Камчатке, объясняется, повидимому, широким применением там особого способа приготовления пищи. По сообщению Крашенинникова, урилов камчадалы жарили «в нажженных ямах»⁴⁷. В ямах же, как печь накаливаемых, «паровили» также и тюленье мясо⁴⁸. Мясо морских и земных зверей варили они в корытах и «варили они в такой посуде рыбу и мясо каленым камнем»⁴⁹. Вся камчадалская посуда, по Крашенинникову, состояла «в чашах, корытах и берестяных кужнях». Крашенинников ничего не сообщает о глиняной посуде камчадалов, а Шренк полагает даже, что палеазиатам глиняная посуда вообще не была

⁴⁶ Крашенинников, Указ. соч., II, 32—33.

⁴⁷ Там же, I, 336.

⁴⁸ Там же, I, 266.

⁴⁹ Там же, II, 32 и 87.

известна. Между тем упоминание о глиняной посуде у камчадалов, которую они делали сами, мы находим у Атласова, первого из русских посетившего Камчатку⁵⁰. Основываясь на показаниях казаков, о глиняной посуде камчадалов позднее сообщал и Витсон. При раскопках глиняная посуда впервые была найдена Дитмаром (1852) в бухте Бичевинской. Посуда эта была «самой примитивной работы»⁵¹, обожжена была очень слабо; сосуд, который он описывает, был высотой 10 см, при максимальном диаметре 14 см. В небольшом числе фрагменты глиняных сосудов были находимы при раскопках повсюду.

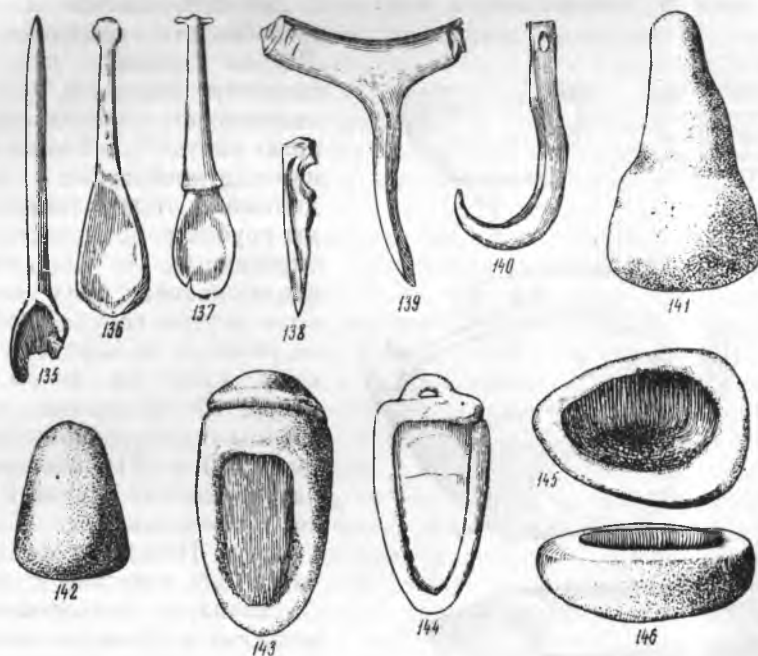


Таблица XII

Типологически Йохельсон и Шнелл подразделяют камчатскую керамику на три группы, Куимби⁵² различает восемь типов, главным образом по орнаментальным мотивам, которые в конечном счете могут быть сведены в те же три группы. К первой группе относятся сравнительно тонкостенные плоские сосуды, высотой порядка 25 см, при наибольшем поперечном диаметре около 20 см. Такие сосуды выполнены от руки, и вся их наружная поверхность покрыта так называемым ложнотекстильным орнаментом. Хороший образец подобного сосуда с побережья Охотского моря (между рр. Наяхан и Гажига) воспроизведен в работе Йохельсона о коряках⁵³. Черенки этого типа сосудов на Камчатке были найдены только в северной ее половине, по рекам Кулька и Кавран. Керамика этого типа была широко распространена на крайнем северо-востоке Азии вплоть до Берингова пролива. К этой же группе могут быть отнесены небольшие тонкостенные сосуды с орнаментальным пояском у верхнего края, состоящем из ряда параллельных линий с точками или зубчиками. Район, где была

⁵⁰ Н. Оглоблин, Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Америки, Чтения Общ. истории и древн. росс., кн. 3, отд. I, стр. 14. 1891.

⁵¹ Дитмар, Указ. раб.

⁵² G. Quimby, The prehistory of Kamchatka. *American Anthropologist*, vol. XII, Nr. 3, Part I, 1947.

⁵³ Jochelson, The Koryak, Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., X, 1908, 646, pag. 165.

находима такая керамика, ограничивается средней и северной Камчаткой. Многочисленные ее образцы с рек Кулька и Кавран воспроизведены в работе Йохельсона⁵⁴. Группа вторая — сосуды более грубой работы и более толстостенные, нередко больших размеров (до 35 см диам.), с рядом из четырех-пяти накладных рельефных орнаментальных полосок с желобками между ними, по краю сосуда (рис. 147). Такая керамика встречается преимущественно в южной и средней Камчатке, но фрагменты ее находились и на севере. На оз. Курильском Йохельсоном было найдено костяное орудие (рис. 149), которое можно рассматривать как трафарет для нанесения такого



Таблица XIII

желобчатого орнамента. Де-Лагуна думает, что такой орнамент налепной, выполнен наложением полосок глины по краю сосуда⁵⁵. Третья группа — котлообразные плоскодонные и толстостенные сосуды грубой работы, не орнаментированные, с ушками для подвешивания близ верхнего края внутри сосуда. Обычные их размеры по верхнему широкому краю 30—40 см в диаметре, 15—20 см высоты. Эти сосуды с внутренними ушками (рис. 150 и 151), особенно характерные для южной Камчатки, представляют большой интерес. Помимо южной Камчатки они известны с острова Сахалина, из раскопок на Курильских и Японских островах. Японский путешественник Мамия Риндзо (Mamia Rindzo), посетивший Сахалин в начале XIX в., застал еще у айнов в употреблении такие глиняные сосуды с внутренними ушками, которые подвешивались над очагом на ремнях в берестяных футлярах для предохранения

ремней от огня. Тории⁵⁶ со слов айнов острова Шикотана, из группы Курильских, подробно описал способ изготовления предками айнов подобных глиняных сосудов — котлов. Напомним, что для варки пищи камчадалы, как и айны⁵⁷, широко пользовались деревянными сосудами и раскаленными камнями. Этим, вероятно, и объясняется небольшое количество находок глиняных сосудов сравнительно с другими предметами из раскопок. Что же касается глиняных сосудов с внутренними ушками для подвешивания, особенно характерных для айнской культуры, то наличие аналогичных металлических сосудов говорит о позднем, быть может, копирующем металлических котлы, их происхождении. Особого упоминания заслу-

⁵⁴ Jochelson, *Archaeological investigations in Kamchatka*, 1928, табл. 19.

⁵⁵ F. De Laguna, *Eskimo lamp and pots*, «*Journ. of the Anthropological Institute*», vol. 10, 1940, 62.

⁵⁶ Торий, Указ. раб., 188.

⁵⁷ Там же, 193.

живает чаша из долины р. Камчатки, найденная близ с. Ключевского. Это небольшой плоский сосуд (рис. 148) с толстыми, около 1 см толщиной, стенками. Тесто хорошо промешано, тонкой структуры, черного цвета, наружная поверхность черная, лощеная. Изготовлена эта чаша на гончарном круге, обжиг хороший. По форме да и по материалу она имеет много общего с айскими и японскими подобными же чашами. Торри в своей работе об айнах Курильских островов⁵⁸ дает изображение подобной же деревянной чаши. Мунро⁵⁹ описывает совершенно такие же японские глиняные чаши. Весьма возможно, что чаша эта иноземного происхождения и попала в Среднюю Камчатку с Японских островов через посредство северных курилов или со случайно заброшенным в этот район японским судном.

Различные предметы. Для шитья одежды камчадалы пользовались «костяными иглами, вместо ниток употребляли оленьи становые жилы, которые разделя сучат как нитки, осколь тонки или толсты надобны»⁶⁰. Иглы они держали в игольниках «из костей альбатросов, что в крыле».

При сшивании кож пользовались шильями различных размеров и форм. В качестве образцов приводятся рисунки одного шила с оз. Курильского (рис. 138), другого из отростка рога северного оленя с р. Кавран (рис. 139). В качестве шильев употреблялись также простые заостренные осколки костей, чаще всего из крыловых костей гусей и уток, многочисленные изображения которых приводятся в работе Йохельсона⁶¹. Из принадлежностей одежды сохранились только костяные кружки, служившие, вероятно, пряжками. Один из них, из раскопок у оз. Курильского, с наружной поверхности орнаментирован (рис. 158). Пряжка эта подобна пряжке, найденной Торри⁶² при раскопках неолитической стоянки на острове Шумашире. Вполне идентичны и узкие с очень длинными зубцами костяные гребни, найденные Йохельсоном при раскопках на оз. Курильском и Торри на острове Шумашире. Такие гребни (рис. 155) скорее употреблялись для расчесывания волос и травы, чем для нанесения орнамента на глиняных сосудах. Пуговицу из раскопок с острова Карагинского (рис. 160) Логиновский считает принадлежностью детского костюма, так как подобные пуговики коряки пришивают к штанам для пристегивания мешочка со мхом. Из раскопок на Камчатке крайне мало предметов, имеющих отношение к средствам передвижения. Это только или кляпики (рис. 156), или блоки (рис. 152—154) от собачьей упряжки, или, наконец, костяные подполозки нарт, которые были найдены на р. Кавране и на Карагинском острове.

Из предметов культового назначения следует отметить клык тюленя с оз. Курильского с высверленной дырой для подвешивания, скорее амулет, чем украшение⁶³. Интересна фигурка женщины, вырезанная из моржового клыка (рис. 159). Это скульптурное изображение обнаженной женщины, с реалистически выполненными половыми признаками и грубо оформленным лицом. Ноги кривые, груди вымеобразные; пальцы ни на ногах, ни на руках не намечены; характерный для фигуры человека продольный спинной желоб, наружных ушей нет. По сообщению Логиновского, статуэтка эта приобретена у коряков на р. Кичиге. По преданию, она приплыла на боту к их берегу и там была найдена одной женщиной. По цвету кости и отсутствию

⁵⁸ Torri, Указ. раб., 187, рис. 56.

⁵⁹ Munro, Указ. раб., 536, рис. 311 и сл.

⁶⁰ Крашенинников, Указ. соч., II, 42.

⁶¹ Jochelson, The Koryak, табл. 12, рис. 1—10.

⁶² Там же, 71, рис. 70 и табл. 16, рис. 9.

⁶³ Там же, табл. 16, рис. 6.

пяти фигурка эта вряд ли особенно древняя, вероятно, коряцкая и генетически может быть связана с подобными же культовыми изображениями береговых чукчей и эскимосов. Особого внимания заслуживают миниатюрные каменные изображения человека и животных. На рис. 157, 161—164 воспроизведены пять обсидиановых фигурок: рыба (рис. 164), собака или лисица (рис. 163), тюлень (?) (рис. 161), две распластанные фигурки человека (рис. 157 и 162). Все они происходят

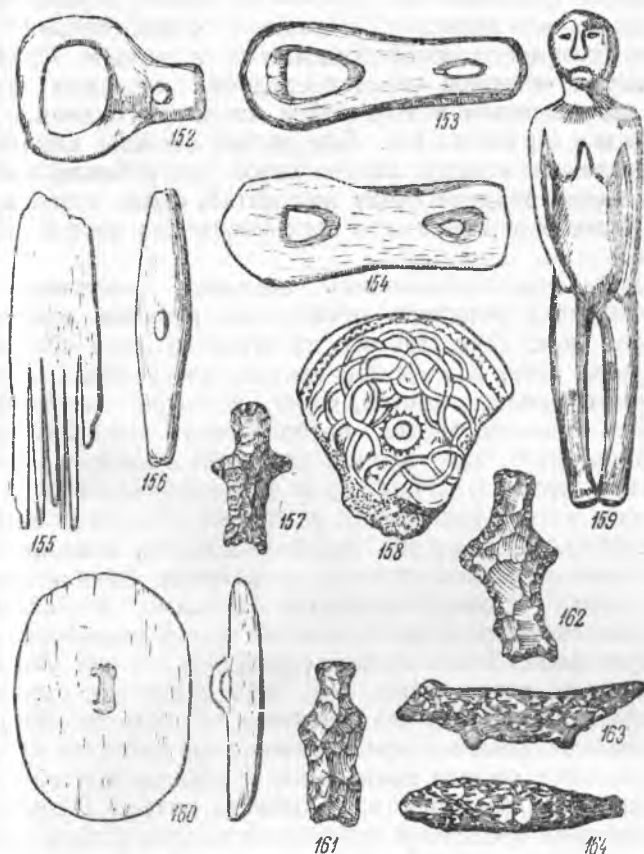


Таблица XIV

из Авачинской губы, точнее из губы Тарья. Первые две хранятся в краевом музее во Владивостоке, последние три — в Музее Академии Наук в Ленинграде. Подобные каменные фигурки человека и животных давно известны в развитом лесном неолите Восточной Европы, в неолите Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Такое широкое распространение этих фигурок в районах, весьма удаленных один от другого и не связанных между собой ни в этническом, ни в культурном отношении, говорит о независимом появлении подобных изображений на определенной стадии культурного развития при одной и той же идеологической основе. Ближайшей аналогией подобных фигурок, но изготовленных из иного материала и иной техники выполнения, являются всякого рода «защитники» и «охранители», которых мы хорошо знаем у тех же чукчей и эскимосов.

Весь инвентарь из раскопок на Камчатке свидетельствует о сравнительно позднем заселении человеком этого полуострова в эпоху уже вполне развитого неолита. Йохельсон думает⁶⁴, что южный

⁶⁴ Jochelson, The Koryak, 61.

комплекс оз. Курильского наиболее древний на Камчатке. Мы считаем, что наиболее древние из известных там поселений человека были, повидимому, жилища в губе Тарья. Однако уже и в этих поселениях мы имеем шлифованные каменные орудия весьма совершенной работы. тесла, тесловидные скобели.

При одном и том же уровне культурного развития, характерного для всего древнего населения Камчатки, намечаются три, несколько отличающихся один от другого, комплекса соответственно трем различным этническим группам. Наиболее древний, особенно хорошо выраженный в средней Камчатке, который мы связываем с ительменами, и два более поздних — северный коряцкий и южный айнский.

Комплекс вещей, характерных для древних ительменов, имеет мало общего как с неолитическими культурами юго-запада, низовьев р. Амура, или юга, культурой айнской, так и с эскимосской берингоморского побережья. Это — культура рыбаков и охотников таежной полосы Сибири, генетически, возможно, связанная с неолитическими культурами верхней Лены и Прибайкалья. Предки ительменов с севера заселили полуостров, до них, повидимому, не обитаемый человеком. Второй, более поздней волной древнего населения Камчатки были курилы или айны, пришедшие с юга, и, если следовать Крашенинникову, при своем продвижении на север на последнем из Курильских островов и у мыса Лопатки они встретились с ительменами. Однако смешение их с ительменами произошло давно, не позднее конца первого тысячелетия н. э. В результате этого смешения на юге Камчатки образовалась культура, несколько отличная от среднекамчатской, под явным айнским влиянием. Таким образом, эту культуру, которую Куимби⁶⁵ считает исходной ительменской, мы склонны рассматривать как более позднюю, сложившуюся в процессе смешения древних камчадалов с курилами или айнами. Третьей позднейшей волной, пришедшей на Камчатку с севера, были предки коряков, постепенно вытеснившие ительменов из северной половины полуострова. По своей материальной культуре они мало отличались от ительменов. Их жилища, в отличие от ительменских квадратных, были круглыми, более тонкая керамика имела некоторое сходство с поздненеолитической низовьев Амура. Вследствие военных столкновений этих двух народностей в районе их соприкосновения древние поселки укреплялись валами, чего не наблюдалось на юге.

Основой существования древнего населения Камчатки было рыболовство и отчасти охота. Промысел морских млекопитающих имел третьестепенное значение. Промыслом морских млекопитающих в открытом море занимались только айны. Первобытно-общинный социальный строй сохранился на Камчатке до прихода русских. Население полуострова, по Крашенинникову⁶⁶, жило «в совершенной вольности, не имея никаких над собою начальников... Старые и удалые люди имели в каждом острове преимущество, которое однакож только в том состояло, что их советы предпочитались; в прочем было между ними равенство, никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не мог другого наказывать». Не выделялись из общей социальной среды и служители культа... «У камчадалов, — писал Крашенинников⁶⁷, — нет особливых шаманов, как у других тамошних народов, но всякая баба, а наипаче старуха, и всякий коекчуча волхвом или толкователем снов почитается».

⁶⁵ Quimby, Указ. раб., 179.

⁶⁶ Крашенинников, Указ. соч., II, ч. 3, 14.

⁶⁷ Там же, стр. 81.